

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВ ФАНТОМОВ

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ, ИЛИ КАК МЫ КОНСТРУИРУЕМ СИМУЛЯКРЫ ОДАРЕННОСТИ

И. И. Коган

В статье на примере практики выявления одаренных детей в ходе предметных олимпиад показано, что общепринятое понимание одаренности и критерии ее выявления не адекватны действительности и являются, по сути, симулякрами. Автор отмечает ключевые характеристики одаренности, заключающиеся в умении задавать вопросы, находить область неизвестного, применять свои знания. В работе сформулированы принципы поддержки одаренности в процессе обучения литературе в школе.

Ключевые слова: одаренность, симулякры, компетентность, обучение литературе, предметные олимпиады.

Сегодня в нашем обществе все активно заняты одаренностью. Сейчас существуют профильные классы, где собирают одаренных детей, есть целые школы, куда отбирают таких подростков и где они учатся по особым программам, в последнее время появились даже особые центры, в которых специально работают с одаренными детьми, т.е. страна как бы всерьез занимается проблемами одаренности.

Но при этом мы все не договорились о главном: что это такое — одаренность. Как ее измерять? Где ее искать? Как, наконец, одаренность обнаруживать? Более того, кто такой одаренный, мы на самом деле не знаем, в лучшем случае представляем себе его довольно приблизительно. И с какого возраста начинать их, одаренных, «сосчитывать» — тоже сегодня никому неизвестно.

Мы в данном случае не говорим про Моцартов, чья гениальность уже в совсем юном возрасте видна невооруженным глазом, — мы говорим про общую ситуацию одаренности.

В то же время в своем воображении мы создали ее образ, некий идеал. Придумали набор

Об авторе:

Коган Ирина Исааковна

*канд. филол. наук, доцент,
заведующая
кафедрой русской и зарубежной литературы
Самарской государственной
областной академии (Наяновой).*

*Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.*

*Email:
irinakogan777@gmail.com*

*ББК 74.202.4
УДК 37.02*

особых качеств, якобы присущих только одаренным, создали систему рамок и через нее, через систему этих рамок, как через сито, через проверку этими качествами пропускаем всех учеников. Но рамки эти способны улавливать только то, что мы им задали, т.е. те параметры, которые мы сами для них заранее определили.

А одаренность на самом деле очень плохо поддается такой «паспортизации». Условно говоря, когда мы собираем детей — победителей олимпиад — и называем их одаренными, эта ситуация достаточно специфическая, потому что выбираем мы этих детей, называем их одаренными и обозначаем их как одаренных по тем параметрам, которые заложены в заданиях олимпиады. На основании этих параметров мы и считаем возможным судить об одаренности и, соответственно, проводить дифференциацию и производить отбор так называемых одаренных.

В чем чаще всего проявляется одаренность, например, в физике или в математике? Проявляется она вовсе не в том, что ребенок быстрее других решил какую-то задачу (ведь на определенный тип задач можно и натаскать), а в каком-то неожиданном решении, в решении оригинальном или, как говорят «технари», красивом. И оказывается вдруг, что вот такая почти эстетическая составляющая и способна в первую очередь выявить талантливого математика. Значит, это какой-то особый склад ума, уникальный тип мышления, абсолютно нестандартный подход к осмыслению поставленной перед ребенком учебной или даже научной проблемы.

Встает вопрос: как готовить таких детей, как их обучать, можно ли в них развивать вот такой подход к решению задач, можно ли формировать в них нечто, что в дальнейшем даст именно такой удивительный результат? И понятно, что это не просто решение задач на уроках и дома, и не дополнительные занятия или интенсификация процесса, и не краткосрочные спецкурсы по подготовке к олимпиаде, а нечто совсем другое, какая-то совсем иная, принципиально иная система образования. Нужна разработка особых, «тонких» методов обучения [Ермаков, 2016]. Только вот не очень понятно: обучения чему? Ведь речь идет о формировании какого-то совсем иного, принципиально иного типа мышления, ориентированного вовсе не на получение знаний. Точнее, получение знаний становится здесь не самоцелью, а средством для решения иных, гораздо более важных, глобальных образовательных задач.

А если их, таких, можно каким-то образом растить и воспитывать, то какую же огромную ошибку совершаем мы, ориентируясь лишь на победителей олимпиад и собирая таким образом только тех немногих, кто сам до всего этого дошел, «сам» себя воспитал и сформировал (См. понятие деятельности А. В. Нечаева [Нечаев, 2016]), почти в прямом смысле ломоносовых — пробившихся самородков, в то время как мы могли бы организовать серьезный процесс работы с одаренными, квалифицированно и эффективно руководить этим процессом.

Но кто доказал, что олимпиада действительно позволяет выявить именно одаренность, а не всего лишь образованность? В таком случае самым важным и первостепенным оказывается вопрос о том, что есть сама олимпиада, что она проверяет?

В идеале любая олимпиада должна быть направлена на то, чтобы ребенок сам себе создавал условия для развития в каких-то ситуациях, сам себе ставил вопросы, сам себе задавал бы задачи или задания и сам бы их решал. Вот это оптимальная ситуация, которая позволяет проверить, насколько он одарен, а не просто насколько он образован, что он знает, что он помнит и какими определениями, фактами и параметрами в сфере данного предмета набита его голова.

А как быть с этой точки зрения с одаренностью в гуманитарных предметах, например, в литературе?

Практически все олимпиады по литературе до недавнего времени проверяли только знания или, по крайней мере, в первую очередь знания. И нам всем казалось (а многим и сегодня кажется), что именно здесь и таким способом мы и обнаруживаем истинную одаренность. Этим всегда занималась и Всероссийская олимпиада школьников по литературе. В последние несколько лет в ней произошли существенные перемены: сменилась команда разработчиков заданий и организаторов олимпиады, а вместе с ними кардинально поменялась и концепция проведения олимпиады. Теперь она ориентирована на самостоятельную работу участников с художественным текстом, а на заключительном этапе в олимпиаде появился даже устный тур. Все это, конечно же, в гораздо большей степени позволяет обнаружить у детей наличие литературной одаренности. Основным заданием теперь наконец-то стал анализ незнакомого текста. И мы очень часто видим, что у ребенка есть много разных знаний, но что с ними делать в связи с конкретным предложенным ему для анализа и осмысления неизвестным художественным текстом он абсолютно не знает.

Например, ребенок читает стихотворение "Незнакомка" Александра Блока, но не знает, от чего и как оттолкнуться, чтобы начать анализ, он хватается за любую соломинку, чтобы выплыть. Поэтому он идет от понятного и обнаруживает, что стихотворение написано в 1905 году. Ребенку хорошо известно, что в это время была первая русская революция, и дальше он, комментируя это стихотворение, отталкивается именно от этого исторического факта: описывает общественно-политическую ситуацию, пытается посмотреть на поэтический текст через призму первой русской революции. На самом деле это не имеет никакого отношения к «реальности», к «миру» данного художественного произведения. Совершенно очевидно, что таким образом адекватно понять этот текст и раскрыть его смысл ребенок не может.

Если говорить о знаниях по литературе теоретических, но вполне конкретных, то ситуация возникает очень похожая. Ребенок может дать вам определение всего чего угодно, например, он в состоянии точно сказать, что такое трехстопный хорей или двустопный амфибрахий. Более того, он даже может реально определить его в конкретном стихотворном фрагменте. Но что делать дальше с этими определениями, куда приложить эти свои знания при столкновении с конкретным неизвестным поэтическим текстом, а тем более как их использовать при его анализе, — он, как правило, не знает.

Таким образом, мы приходим к выводу, что одаренность — это не знание, это что-то совсем другое. И тогда мы понимаем, что и искать

одаренных детей надо совсем не так, и мерить одаренность нужно совсем по-другому. И, возможно, инструментарий, которым мы пользуемся, устарел, и надо искать крупницы этой одаренности на «клеточном» и даже некоем «молекулярном» умственном уровне ребенка, а не на уровне каких-то мыслей, напрямую сформулированных им или не сформулированных. И тогда выясняется, что нужна не сегрегация, не какой-то специальный отбор детей по их якобы талантам, а нужен совершенно другой способ обучения. Тогда вдруг обнаруживается, что одаренные — все, но надо лишь суметь эту одаренность нащупать. Сначала необходимо как-то обнаружить ее зародыш, предварительно сдабривая и питая «почву», а потом достаточно долго это проклюнувшееся «зернышко» надо окучивать, возвращать — и в конце концов что-то прорастет.

И тогда мы придем совсем к другим выводам: одаренность изначально закладывается в каждом ребенке и проявляется в разные моменты в разных ситуациях и совершенно по-разному; она не поддается вот этим нашим формальным критериям, которые мы укладываем в еще более формальные рамки, и ни в коем случае не определяется хорошими отметками. Есть множество примеров того, как самые талантливые люди плохо учились в школе даже по тем предметам, в которых они потом свои таланты так активно проявляли. Это лишний раз доказывает, что школа с ее традиционной системой не в состоянии в учебном процессе обнаружить одаренность. Точно так же не может выявить ее и олимпиада с большинством достаточно традиционных заданий, ориентированных на воспроизведение готовой информации, проверку того, что изучено и освоено, и где побеждает ученик, у которого просто хорошая память.

Таким образом, мы понимаем, что проверять надо не знания, а компетентности. В этом смысле даже наличие некоего анализа художественного текста в какой-то детской олимпиадной работе по литературе еще не дает оснований сделать вывод о том, что ребенок одаренный, потому что очень часто этот анализ предпринимается как чистое «препарирование», механическое разложение на формальные составляющие, лишённое какого бы то ни было осмысления и умерщвляющее все человеческое и эстетическое. На самом деле для того, чтобы провести анализ текста, нужен, наверное, «рентген», то есть работать необходимо не «топором», а действовать «скальпелем» — и только тогда текст сохранится живым, ведь именно в этом смысл любого анализа художественного произведения. Самое главное в этом процессе — определить место каждой найденной детали в общей картине, чтобы они не превратились в кучу Плюшкина, а стали элементами единого гармонического целого, в котором роль и место каждой из них осознаны и четко обозначены.

Мы же очень часто считаем одаренными тех, кто хорошо усваивает знания, много помнит и умеет правильно и вовремя эти знания применить или воспользоваться ими для того, чтобы решить все задачи, которые мы перед ним ставим. Скорее всего, это не одаренность — это просто умение хорошо учиться, хорошая память и внимание и понимание тех задач, которые перед ними стоят, умение решать именно стандартные задачи, используя этот набор знаний и умений, которые, конечно же, в жизни могут быть важными.

Создаваемые нами симулякры одаренности искажают представления о том, что на самом деле есть одаренность. Они вообще не приводят нас к положительным результатам и вот почему. Во-первых, мы делаем абсолютно неверный отбор — и практически подавляющее большинство детей, которые, несомненно, обладают одаренностью, остается за его бортом. Во-вторых, мы совершенно неправильно дальше работаем с «отобранными», потому что читаем им серьезные лекции, даем дополнительную информацию сверх школьной программы, т. е. продолжаем наполнять их знаниями.

А если мы поймем природу одаренности, поймем, что каждый ребенок одарен по-своему, если нам не надо будет заниматься селекцией и их отбирать, тогда мы по-другому будем их учить, по-другому с ними работать.

Необходимо включить, запустить как можно в большем числе маленьких детей механизм одаренности — творческое, креативное начало. Он как Energizer, как вечный двигатель.

В обычной жизни мы должны совершенно иначе с ними общаться: постоянно ставить их в непривычные ситуации, проверять полученные знания в обстоятельствах новых и для детей совершенно неожиданных.

Но и это тоже никакого результата не гарантирует, потому что изначально на уроке мы обязаны обращать внимание на каждого ребенка, который мыслит не так, как все, в самых «мелких» ситуациях задает неожиданные вопросы, иногда не понимает каких-то совсем простых вещей просто потому, что смотрит на них с какой-то совсем иной, неожиданной для нас стороны. Нам кажется, что он что-то не выучил или не подготовил, а на самом деле он демонстрирует нам просто какой-то совершенно другой взгляд на вещи. Нас редко хватает на то, чтобы обратить внимание на такого ребенка и попытаться понять, что с ним происходит.

Убеждена в том, что на раннем этапе одаренность проявляется в том, что ребенок задает вопросы, находит область неизвестного, пытается проникнуть в нее, хочет решать задачи своим способом, а главное — умеет сам себе ставить задачи, задавать вопросы и искать целенаправленно именно на них ответы.

Конечно, здесь добавляется и любознательность, и особый интерес, и, может быть, существующее с детства любопытство. В этом смысле, конечно, разного рода маленькие почемучки — это, несомненно, одаренные дети, потому что самое главное в том, что им постоянно что-то интересно, просто ужасно хочется узнать ответы на вопросы, которые их в данный момент волнуют.

Это очень важно для класса, потому что один-другой такой ребенок становятся креативным катализатором для всех. Всякая познавательная активность, всякое желание разобраться в том, что непонятно, на этом раннем этапе развития детей есть способ проявления нестандартности мышления, а значит — и способ реализации признаков одаренности.

Именно через такие вещи, через эти вопросы, через желание что-то самому понять и обнаружить, что ты еще не знаешь, и проявляется

детская одаренность. На самом деле, если я чего-то не понимаю и способен объяснить, что именно или где именно я не понимаю, — это очень дорогого стоит.

Например, во время мастер-класса по литературе в Самарской государственной областной академии (Наяновой) мы просто предлагаем детям для анализа незнакомый художественный текст. Но главное ведь не только в том, чтобы перед ними был незнакомый текст, — главное в том, чтобы они сами задавали себе вопросы.

Если вопросы задаем им мы, но тем самым направляем их и выводим на магистраль, указывающую направление к цели. Мы как бы говорим им: «Идите сами», но пойдут они при этом по шаблону, по нашему шаблону, пусть и очень хорошему. И, может быть, они очень хорошо будут идти, но они будут идти в рамках предложенного нами, заранее определенного старшими «семантического» и «методического» коридора. И, что особенно важно, все по одному и тому же шаблону. А чего же не идти, когда существует этот коридор и ты уверен, что никогда не собьешься.

А если нет дороги и не знаешь, куда идти и что делать? И тогда надо сначала создать метод или методику. И найти орудие труда. Или тоже его создать. И, может быть, создать и сам инструмент. И уникальность всей этой работы заключается в том, что прошлый, вчерашний инструмент и способы его использования теперь уже не годятся. Ларчик каждый раз открывается своим особым ключом — новым, отдельным, непохожим на все предыдущие. Старыми ключами не воспользуешься.

И тогда одаренность заключается в умении найти Начало, придумать, а потом и создать подходящий ключ для того, чтобы открыть этот ларчик.

Умение ответить на вопрос очень ценно и говорит о способностях ребенка, но умение задать вопрос — гораздо более важное. Ребенок, у которого есть вопросы, которому что-то непонятно и он может объяснить, что именно ему непонятно и почему, который может это сделать в какой-то незнакомой ситуации, применительно к литературе в незнакомом тексте, — несомненно одаренный. А если он еще и может внятно выразить свое непонимание, может как-то осмыслить свою неспособность войти в текст и в нем разобраться, — это тоже о многом говорит.

Здесь мы переходим к очень важному моменту — к ошибкам, которые делают дети. Мы не задумываемся об их различии. Но среди тех многочисленных ошибок, которые являются показателем просто непонимания, существуют особые ошибки, которые связаны с тем, что ребенок пытается идти своим путем, непривычным, нестандартным, может быть, долгим, нерациональным, неудобным, но тем не менее — каким-то своим, собственным путем, потому что он так мыслит. И у нас не хватает ни сил, ни времени, ни внимания, чтобы заняться именно с таким ребенком и попытаться понять, почему у него получился неправильный результат. А ведь очень часто одаренность реализуется именно через ошибку.

И тогда мы начинаем понимать, как важно для развития одаренности даже обнаружение самих своих ошибок и как много им надо уделять

внимания. Потому что никакая ошибка не возникает случайно - если ребенок ее сам способен найти, если он ее осмысляет и самостоятельно преодолевает возникшие трудности, то это говорит о том, что в нем есть несомненная одаренность.

Наша базовая ошибка заключается еще и в том, что через олимпиады мы отбираем детей с явной одаренностью, а она, как правило, проявляется не слишком рано, а и наш серьезный олимпиадный отбор приходится на 9–11 классы. На самом деле это очень поздно, поскольку скрытую, «внутреннюю», «не проклюнувшуюся» до сих пор одаренность в этом возрасте уже развивать крайне трудно. Как говорится, что проросло — то проросло. Остальное уже, скорее всего, и не проявится, и не реализуется.

Мы сегодня всячески пытаемся расширить охват детей всероссийскими олимпиадами школьников вовсе не для того, чтобы в каждом из них найти его собственную, уникальную одаренность (и уж тем более не для того, чтобы развить ее или запустить ее механизм во множестве самых разных детей), а исключительно для того, чтобы собрать побольше «по верхам»: отсортировать, «просеять» лучших, отличников, призеров. Отобрать уже готовое, выросшее само — и без нас. Без нашей помощи и какого-либо участия. Снять сливки.

«Нахватанность пророчеств не сулит», — сказал когда-то Евгений Евтушенко. Но, перефразируя его слова, можно сказать, что и «натасканность» пророчеств не сулит. А растущие показатели нашей якобы работы с одаренными — это очень часто всего лишь результат именно «натасканности», лихорадочного набивания информации в головы детей, обладающих отличной памятью и усидчивостью.

Наше сегодняшнее представление об одаренности — это такое образовательное плацебо. Как известно, в медицине плацебо — это заменитель лекарства, он выглядит как настоящее лекарство, но не обладает никакими лечебными свойствами и проявляет свою эффективность только в результате самовнушения. Но если некоторым больным самовнушение может помочь вылечиться, то в педагогике на нем далеко не уедешь. А мы в ситуации с одаренностью живем исключительно тем, что сами себе про нее внушили. И убедили себя, что мы все про нее понимаем, знаем, где и как она проявляется, и поэтому можем ею «руководить».

В итоге, когда мы сегодня говорим об одаренности, в головах наших продолжают рождаться очередные модели-призраки, имеющие к реальной жизни очень отдаленное отношение. А мы, не давая себе труда это осознать и честно посмотреть на происходящее, тешим себя иллюзиями и по-прежнему плодим симулякры, тратя время и государственные деньги на имитацию эффективности в работе с одаренными детьми и на самом деле никак не помогая настоящей одаренности реализоваться на пользу обществу.

Список литературы

- 1 Ермаков В. Г. Ожидания индивида как педагогическая задача // Социальные явления — журнал международных исследований. — 2016. — № 4. — С. 7–15.
- 2 Нечаев А. В. О деятельности — на самом деле // Социальные явления — журнал международных исследований. — 2016. — № 5. — С. 5–22.